

ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВОГО СИНТЕЗА В ДИСКУРСЕ

Статья посвящена процессам языкового синтеза, наблюдаемым в дискурсии. Средой языкового синтеза является прагматическая матрица художественного текста, созданная комбинацией когнитивных и коммуникативных перспектив, а в качестве средств реализации выступают полифункциональные языковые знаки.

Ключевые слова: языковой синтез, перспектива, ситуация восприятия, субъект речи, прагматическая матрица.

Современная парадигма гуманитарных наук сформирована определенным набором понятий, среди которых одну из ведущих позиций занимает понятие «языковой синтез». Современная философия (Ж. Делез, Ф. Гваттари) видит в языке способы расширения существующих и формирования альтернативных понятий на пути формализации языковых операций [Бюлер 2000]. Средой, в которой протекают эти операции, является структура дискурса и его элементы.

Преобладание в языкознании аналитических процедур в известной степени отвлекает внимание от анализа способности языка участвовать в формировании новых и более сложных комбинаций смысла. Основным качеством, позволяющим языку служить этим целям, является системность его организации. В качестве основной характеристики Ж. Женетт выделяет в системе языка ее *пространственность*, определенную тем, что языковая система является набором дифференциальных отношений с вертикальным и горизонтальным измерениями [Женетт 1998: 45]. Акцент при этом сделан автором на весьма существенном обстоятельстве, пространственная системность языка с неизбежностью должна проявляться во всяком речевом акте и обусловленной ею линейности письма и текста в целом.

В современном языкознании предпринимаются попытки сформулировать основы языкового синтеза, которые можно оценивать как номиналистические (ориентированные на процессы означивания) или конструктивистские (связанные с формированием понятийных связей). В первом случае в поле зрения исследователей попадает процедура слияния формы и значения, во втором – рождение мысли в дискурсивном процессе.

В отечественном языкознании идея языкового синтеза получает воплощение в труде Л.З. Сова «Лингвистика синтеза», содержащем идеи теории языкового синтеза и предлагающем описание процедур, связанных с формально-смысловой природой языкового знака и с его поведением в тексте [Сова 2013: 14]. Автор высказывает предположение, заслуживающее, на наш взгляд, особого внимания: смысл предикации, составляющей основу другой процедуры, связанной с порождением текста, состоит в соотношении свойств описываемого объекта с определенной точкой отсчета в темпорально-пространственной системе наблюдателя [Сова 2013: 196]. Именно это обстоятельство определяет выбор языкового действия и способов его реализации с помощью языковых средств. Процесс вербализации получает описание как последовательность операций, изучение которых может продемонстрировать, как реализуется интенция говорящего субъекта.

Сама процедура вербализации интерпретируется как разделение явления на предмет (процесс) и его признак, что не свойственно объективной действительности, а выступает как характеристика собственно человеческого способа ее отражения. Исследования процессов вербализации в дискурсе становится тем самым анализом познавательной деятельности субъекта говорения, выбор и использование языковых средств изучается как аппроксимация, приближение к цели языковой деятельности, адекватного и мотивированного воплощения авторской мысли.

Одним из оснований для поиска решения проблемы синтеза может служить понятие «сцена». Отличие «сцены» от двух других понятий, используемых при анализе комплексных коммуникативных явлений, «ситуации» и «события», заключается в ее выраженной конструктивной природе. Являясь, по сути, теоретическим конструктом, «сцена» рассказывает не о положении дел, а о том, каким оно видится говорящему, именно поэтому основными средствами выражения в этом случае становятся недескриптивные категории, призванные служить реализации модуса представления описываемых явлений.

Растущий интерес исследователей к деятельности субъекта речи, получающей наиболее полное воплощение в создаваемых им текстах, переносит акцент на глобальные категории, позволяющие выделить сегменты, непосредственно связанные с процессом моделирования

событий. В теории ситуаций Й. Барвайза и Дж. Перри объекты, свойства, отношения рассматриваются в их подчиненности пространственно-временным областям, фиксирующим способ существования и тип событий [Barwise, Perry 1987: 65]. Пространственно-временные регуляторы представляют «*ситуацию восприятия*», репрезентируемую модусами, отражающими изменение в установках субъекта действия, представленный таким образом репрезентированный тип «ситуации восприятия» (*repräsentierte Wahrnehmung*) подчиняет себе другие базовые компоненты изложения: событийную структуру, поле референции и ситуацию общения, регулируемую выбором определенных коммуникативных установок.

Предлагаемое нами в ряде исследований решение [Данилова 2001], рассматривать процедуру языкового синтеза с непосредственной связи с перспективами изложения, когнитивными и коммуникативными, находится в определенной корреляции с упомянутыми выше идеями. Поиск оснований для описания деятельности говорящего субъекта становится поиском и формулировкой «принципов упорядоченности», регулирующих эту деятельность.

Исследуемые нами два основных способа перспективизации, с помощью когнитивных установок рефлектора и перцептора и коммуникативных установок говорящего и наблюдателя, образуют разнообразные комбинации, в которых выбор определенной конфигурации «ситуации общения» и «ситуации восприятия» определяет способы репрезентации действительности. Комбинаторика перспектив выступает на передний план, оказывая определяющее влияние на протекание дискурсии («коммуникацию смыслов»).

Процесс перспективизации возможен благодаря существованию в системе языка полифункциональных знаков, способных изменять функцию в зависимости от целей деятельности и служить либо целям репрезентации положения дел (символ), внутреннего состояния говорящего (симптом), либо демонстрировать их взаимную регуляцию (сигнал). В явно выраженной форме подобные свойства проявляет дейксис, образующий, согласно автору другой ситуационной теории К. Бюлеру, центр «поля указания» [Бюлер 2000: 34]. Проследим функционирование упомянутых средств перспективизации, дейксиса, местоимений, категорий пространства и времени, в жанре малой прозы.

Один из рассказов Петера Альтенберга (1859–1919) “Die Kinderzeit“ начинается с воспоминания: *Meine wunderschöne Mama trug ein weites Kleid aus dunkelbraunen Tüll mir hellbraunen Samtbändchen durchzogen* [P.A.: 41]. Рефлексивная когнитивная установка маркируется глагольной временной формой («эпическим претеритом»), актуализирующей в начальной секвенции рассказа мало свойственную ей временную семантику. Контрастом к коммуникативной перспективе говорящего субъекта, к которой отсылает притяжательное местоимение *meine (Mama)*, выступает коммуникативная перспектива наблюдателя в следующей секвенции: *Man sagte, der Hofmeister der Familie W. machte ihr riesig den Hof*. Нейтрализация субъекта речи и одновременно источника слухов служит в этом случае не целям объективизации, но выступает в качестве условия для симптоматической характеристики участников действия: *Wir verstanden das Wort Hof nicht*. Чередование номинального субъекта (*meine, man, wir*) и введение ментального предиката *verstehen* свидетельствует о смещении перспективы субъекта речи в «ситуации восприятия» в позицию коллективного субъекта, представляющего в синтезирующей форме *wir* альтернативного деятеля (детей) и обобщенного субъекта речи.

Доказательством этому факту служит следующая секвенция: *Eines Tages wurden wir zum Viadukt von vierzig Metern Höhe über dem Schwarzthal geführt, wo zwei Lastenzüge aufeinander aufgefahren waren. <...>. Wir waren erstaunt, keine Leichen zu sehen*. Альтернативность детского мышления подчеркнута выбором предикаций: *Eines Tages wurde berichtet, die Raupen der Kohlweißlinge fraßen alle Felder ab. Infolgedessen fingen wir alle Kohlweißlinge an den Fenstern des schrecklich heißen Speisesaales weg < > Die Raupen waren uns zu unappetitlich. sie zu vernichten* [P.A.: 42].

Конфликт между безличным внешним миром и внутренним, эмоционально насыщенным миром подростков получает латентную характеристику, отражением чего служит изменение функциональной нагрузки языковых единиц под влиянием меняющейся перспективы изложения. Сопоставление выводных высказываний в проанализированных секвенциях свидетельствует, что между ними возникают смысловые переключки благодаря выбору средств выражения с эмотивной семантикой, ср.:

Wir verstanden das Wort Hof nicht.

Wir waren erstaunt, keine Leichen zu sehen.

Die Raupen waren uns zu unappetitlich. sie zu vernichten.

Событийная структура рассказа развивается на референтном фоне внутреннего мира сознания подростков: *Auf der sonnigen sandigen Straße zwischen den Wiesen interessierten uns die Sandläufer, die sprangen und flogen und nach Moschus dufteten und mattgrün schimmerten.*

Организирующий изложение контраст между персональной локутивной перспективой индивидуального (*ich, meine*) и коллективного (*wir*) субъекта речи и одновременно альтернативного деятеля, делокутивной (по терминологии Э. Бенвениста) позицией наблюдателя и гипотетического деятеля (пассивные конструкции и местоимение *man*) образует прагматическую матрицу рассказа с субъектными позициями в качестве констант.

Вводимая с помощью перспектив событийная структура получает дополнительные измерения: в изложении взрослой аудитории, единственным конкретным деятелем в этом случае является «мама», и в перспективе подростков. Предназначением модусной рамки, как можно убедиться, является расслоение модели событий, введение параллельных «ситуаций восприятия», что позволяет придать изложению глубину.

Подводя предварительные итоги, можно утверждать, что изучение нарративного дискурса свидетельствует об особом предназначении полифункциональных знаков и категорий языка, служащих целям реализации задач моделирования событий и выполняющих в этом процессе свое главное предназначение, синтезирование целостного «образа мира».

Библиографический список

1. Бюлер К. Теория языка: Репрезентативная функция языка: Пер. с нем. / Общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной; Вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева. – 2-е изд. – М.: Прогресс, 2000.
2. Данилова Н.К. «Знаки субъекта» в дискурсе. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2001.
3. Женетт Ж. Литература и пространство // Фигуры. В 2-х томах. Т. 1. Фигуры II. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – С. 163-166.
4. Проективный философский словарь (ПФС). Языковой синтез. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/fs_language_synthesis.html (дата обращения: 01.02.2017).
5. Сова Л.З. Лингвистика синтеза / отв. редактор В.А. Лившиц. 4-е изд. – М.: Директ-Медиа, 2013.
6. Barwise J., Perry J. Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik. – Berlin – New York: Walter der Gruyter, 1987.

Список источников и принятых сокращений

1. Altenberg, Peter. Die Kinderzeit // Heiteres Darüberstehen. Geschichten und Gedichte zum Vergnügen. – Stuttgart: Philipp Reclam jun., 1990. – S. 41-46. (P.A.)

N.K. Danilova (*Russland, Samara*)

ELEMENTE DER SPRACHLICHEN SYNTHESE IM DISKURS

Der vorliegende Beitrag ist dem Prozess der sprachlichen Synthese im Diskurs gewidmet, der sich im Rahmen der pragmatischen Matrix des Narrativs vollzieht. Diese Matrix ergibt sich aus dem Wechselspiel von den kognitiven und kommunikativen Perspektiven. Das Zusammenwirken der polyfunktionalen sprachlichen Zeichen (Deixis, Pronomen) und der Kategorien (Raum, Zeit) ermöglicht in diesem Prozess die sprachliche Synthese.

Stichwörter: sprachliche Synthese, Perspektive, Perzeptionssituation, Sprecher, pragmatische Matrix.